

**В СЕРИИ
«ПОЛЫНЬ – СУХИЕ СЛЁЗЫ»
ВЫШЛИ КНИГИ:**

Разрыв — трава горькая
Сквозь печальные туманы
Волки смотрят в лес
Отворите мне темницу
Горяч камень Алатырь

СЕРИЯ «ГРЕШНЫЕ СЕСТРЫ»:

Цветы запоздалые
Гори, письмо любви
Судьбою рвется нить

Анастасия Туманова

ОТВОРИТЕ МНЕ ТЕМНИЦУ

T8 RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Т83

Туманова, А.

Т83 Отворите мне темницу / А. Туманова. – М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. – 466 с. – (Польнь – сухие слёзы).

ISBN 978-5-521-92492-9

Больше года прошло после отмены крепостного права. Россию сотрясают крестьянские волнения. Бунтовщиками зверски убита молодая графиня Закатова. Её муж остается вдовцом с младенцем на руках. Тяжелые вести приходят Никите Закатову и от сосланного в Сибирь друга. Бесчеловечное управление нового начальства делают положение каторжан невыносимым. Заводская фельдшерица Устинья днем и ночью тревожится за мужа – вспыльчивого, несдержанного на язык Ефима. А внимание начальника тем временем привлекает красавица-каторжанка Василиса. Грозный хозяин завода сгорает от страсти, не зная, что Василиса – безумна...

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-92492-9

© Туманова А., 2021
© Т8 RUGRAM, оформление, 2021
© Т8 Издательские технологии, 2021

Пролог

Октябрь 1859 года выдался в Смоленской губернии ветреным и холодным. В Бельском уезде уже пали заморозки, и по оврагам, словно седые космы, лежали полосы снега. Лесная дорога, прошитая бугристыми корнями деревьев, была подёрнута инеем. Копыта двух саврасок, влекущих за собой старые дрожки, звонко ударяли в землю, и drobный перестук эхом отзывался в пустом лесу.

В дрожках сидели три женщины. Одна из них, молодая брюнетка в капоре с полинявшими мантоньерками¹, в тёплой накидке поверх шерстяного платья, смотрела, глубоко задумавшись, на пробегавшие мимо ели. Сидящая рядом девка тоже молчала. Но нянька, державшая на руках спящего ребёнка, ворчала без умолку:

— И надо ж было ветру опять подняться, Настасья Дмитриевна! Эко ёлки-то мотает! Вот говорила я вам — незачем младенца с собой тащить! А ну как простудится у нас Маняша? Видано ли — по предзимкам дитё за пятнадцать вёрст волочить!

— Дунька, не зуди! Ничего ей не будет...

¹ Мантоньерки — ленты, придерживающие шляпу или капор.

Но унять Дуньку было непросто.

— И сдались вам гладиолусы те! Своих полон сад! Куда ни глянь — торчат повсюду, как лопухи! Уж, кажись, всех цветов имеются — так нет, приспичило и «чёрный бархат» заиметь! А на мой взгляд — вовсе грех это, чтоб цветы — да чёрного цвета были! Не к добру, и всё! Вот как хотите — а к гробу это в доме!

— Дунька, ты просто дура. Замолчи. Дай мне Маняшу.

— А всё, Васёна, через тебя! Сама напрочь свихнулась на цветах своих и барыню с толку сбила! А мне с вами расстройство получай! Ведь в экую даль потащились! Чуть не в соседний уезд, да ещё и через лес! А на дороге, чай, разбойники! Забыли про Стрижа-то?

Василиса только пожала плечами и умолкла, ласково, как щенков, поглаживая луковицы гладиолусов в лукошке у себя на коленях. Она была очень хороша собой. Чистое, покрытое лёгким загаром лицо было задумчивым. Каштановая коса лежала на плече тяжёлым перевяслом. Большие, синие глаза внимательно и грустно смотрели на пробегающие мимо деревья. Семнадцатилетняя садовница графов Закатовых по праву считалась самой красивой девкой на весь Бельский уезд.

Скрипучие дрожки в последний раз сползли с холма и вкатились в сосновый бор. В нескольких аршинах от проезжего пути начинался болотистый бурелом. Кое-где по обочинам мелькала ржаво-чёрная вода, сухие палки рогоза. Бор тяжело шумел, качая над дорогой узловатыми ветвями. Дунька, перекрестившись, напустилась на кучера:

— Кузьма, ты за каким рожном лесом-то поехал? Аль последний ум пропил? Нет бы через Требинку, как всю жизнь ездили!

— Никак невозможно, Авдотья Васильевна! — невозмутимо отвечивал Кузьма. — За Требинкой так развезло,

что третьего дня лошадь с возом сена вчистую увязла! Всем селом тот воз вызволяли! Дожди ведь две недели шли, так что сама понимать изволишь... В бору-то всяко посуше: не застрянем.

— У-у, бестолочь! Нешто про лихой народец позабыл? А кто там ещё с болота ухаёт?

— Известно кто — сова! Поди, за зайцами шныряет. Хотя навроде рано ей ещё, не смерклось даже... — Кузьма вдруг умолк на полуслове. Выругавшись, натянул вожжи. Лошади стали.

Поперёк пути лежала поваленная сосна. Кузьма, спрыгнув с дрожek, с изумлением разглядывал могучий ствол.

— Эко её угораздило — прямо на дорогу... Только вчера проезжал тут — не было её! Откуда ж это она завалилась?... — кучер сошёл с дороги на обочину, туда, где торчал огромный пенёк, осмотрел его:

— Вот ведь притча... Спилена сосна-то! Это у кого ж ума хватило...

— Кузьма, воротись! Живо воротись, дурень! — вдруг не своим голосом завопила Дунька. Но было поздно: лошадей уже держали под уздцы невесть откуда возникшие взъерошенные мужики.

— Свят господи, — побелевшими губами пробормотала Дунька. — Барыня, милая, отдайте мне Маняшу-то...

Анастасия Дмитриевна молча передала в нянькины руки спящую малышку и поднялась в дрожках во весь рост. Её лицо побледнело, ноздри тонкого носа раздулись. Сейчас госпожа Закатова как никогда похожа была на ногайскую княжну.

— Что вам угодно, ребята? — холодно спросила она, разглядывая незнакомцев. — Каких господ будете? Что это вы в моём лесу вытворяете? Сей же час освободите дорогу, не то... Фу, да вы и пьяны к тому же?!

— Барыня, барыня, потише б вы с ними, не то... — умоляюще зашептал Кузьма. Но конец его фразы потонул в нестройном гоготе:

— Вишь ты, барыня!.. Хмельных-то не жалует! Мотри, Фёдор, ччас ещё велит нам портки спустить да перепорот!

Чёрный, сумрачный Фёдор не улыбнулся в ответ. Его глаза угрюмо блеснули. Шагнув к дрожкам, он походя, огромным кулаком свалил на землю кучера и небрежно, как вещь, вытащил из экипажа Закатову. Та резко освободилась, попятилась. Сказала тихо, гневно:

— Как смеешь, хамово отродье! Прочь руки! Ступайте вон — и, клянусь, я не дам хода этому делу! Вы ещё можете...

Фёдор расхохотался ей в лицо, обдав густым перегаром. Товарищи поддержали его.

— Пугает... Смотри ты — пугает! Робя, — НАС страшает! — не мог успокоиться рябой, встрёпанный парень, который держал лошадей. — Охти мне, батюшки... Уж наскрозь, барыня, порты у меня мокрые с перепугу... Да что ты нам сделаешь-то, дура?! Будя с тебя, холера, насосалась кровушки! Наше времечко теперь! — подойдя к молодой женщине, он сорвал с неё дорожную накидку. — Ну, что, барыня, — сама рассупонишься, аль помочь? Нам с робятами привычно, мы — мигом...

— Бегите, Настасья Дмитриевна, — одними губами прошептала Дунька. — Хватайте дитё да бегите, я на их повисну... Помру — а не допущу!

Закатова лишь криво усмехнулась.

— Я болотеевская барыня, дурак. — Чётко выговорила она в заросшее, нечистое лицо разбойника. — Вас и так уже ищут! Не сегодня-завтра конец и вам, и вашему атаману... этому Стрижу! Подумай, что будет, ежели вы... — не договорив, она с коротким вскриком рухнула на дорогу: тяжёлый кулак сбил её с ног.

— Да что ж ты делаешь, лешак?! — вскричала Дунька. — Как смеешь, разбойничья морда?! То ж Настасья Дмитриевна! Барыня болотеевская! Нешто не слышал?! Отродясь от неё притеснениям людям не было! Всяк в Болотееве тебе скажет! А ну пошёл вон... Пошёл вон, сказано тебе! **ОТДАЙ ДИТЁ, ХРИСТОПРОДАВЕЦ!!!**

Дунькин вопль оказался такой силы, что чёрный Фёдор, выхвативший было из её рук младенца, невольно замер.

— Да ты чего орёшь-то, кликуша? — растерянно спросил он. — Барское дитё, чего жалеть? Они, небось, наших не жалеют!

— Сдурел, ирод?! Моё дитё! Моё кровное, рождёное, хоть в церкви тебе забожусь! Отдай, варнак, креста на тебе нет! — вопила Дунька, таща ревущую благим матом малышку из рук разбойника. — Да ты глянь, глянь на неё! На Манюшку мою! И глазоньки мои, и волосики, и носишко! Отдай, Бога не гневи, проклятый, — крестьянское дитё! Грех на тебя падёт, что невинную душеньку губишь! Да отдай же ты, анафема, — слышь, как заливается?!

— Отдай ей, Федька, не грехи, — глухо сказал старший из разбойников. — Времени мало. Решай вон душегубицу, да прочь нам пора. Лошадей бы выпрячь ещё... И мужика с дороги оттащите. Петро, поглянь — жив он там? Экий ты, Фёдор, дурной... Приложил так, что теперь ещё, поди, и не выживет! Стриж такого над мужиками не велит творить!

— Откуда Стрижу-то дознаться, дядька Фрол? — хмыкнул Фёдор, поудобнее перехватывая в ладони топор и шагая к неподвижному телу на земле. — Вот ведь, впрямь, досада... померла, что ль? А я-то её пощупать хотел! Отродясь с барыней не кувыркался! Ну, хоть цацки посымать... всё доход.

Двое разбойников торопливо принялись выпрягать лошадей. Третий поволок к обочине Кузьму. Фёдор, разо-

рвав дешёвое саржевое платье, бестолково шарил руками по груди бесчувственной женщины. За ним, скорчившись на земле, безумными глазами наблюдала Дунька. Она уже не кричала и лишь судорожно прижимала к себе ребёнка. Двое разбойников полезли было в дрожки — и тут же выскочили оттуда:

— Дядька Фрол, да тут ещё одна сидит!

И сразу же дорогу накрыло таким пронзительным криком, что умолк даже младенец в Дунькиных руках:

— Ироды! Черти! Сатанаилы бесстыжие!!! Что творите, нехристи?! Кто вам на такое дозволение дал?! А ну подите прочь от барыни! Я Стрижу расскажу — не обрадуетесь!

— Это что ж за снарал на наши души? — недобро усмехнулся Фёдор. И в тот же миг усмешка пропала с его лица. — Мать-перемать... Васёнка, что ль?

— Она самая! — подбоченилась Василиса, вставая в дрожках во весь рост. — Слава господу, признал! Я Василиса и есть! Атамана вашего невеста наречённая! Стриж вас не похвалит, коль узнает, что вы барыню болотеевскую обидели! Небось, он и ведать не ведаёт, что вы тут спьяну озоруете? Ох, доиграетесь, разбойнички! Стриж на расправу-то скор! Не любит, коль из-под его воли выходят! Я Васёке всё как есть расскажу, не смолчу! Сами гадайте, кому он скорее поверит!

Разбойники неуверенно переглянулись. Было очевидно, что Василиса попала в цель.

— Вот говорил я тебе, Федька... — пробормотал высокий парень. — Как бы и впрямь худа не вышло... Отойди от барыни, бог уж с ней.

— Отойти? — ухмыльнулся Фёдор. В его глазах мелькнула злая искра. — Васёнка мне не указ! У меня, может, своя такая была! Да не невеста, а жена! Была, покуда барин её не увидал... Да будь они прокляты все!!! — вдруг заорал он, за-